

буду делать всё от меня зависящее для возвышения значения нашего общества и усиления его средств». ⁵²

Необходимо добавить, что в благотворительной деятельности Тургенева Литфонд не был единственной организацией. 28 ноября (10 декабря) 1877 года усилиями писателя и художника А. П. Боголюбова было учреждено «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников» в Париже. Будучи его секретарем, Тургенев оказывал значительную помощь бедствующим художникам. ⁵³

По воспоминаниям Анненкова, с основанием Литературного фонда в нем стали видеть «признак времени и торжество взглядов, с которыми волей-неволей приходилось считаться», ⁵⁴ и значительная доля в формировании благосклонного отношения как официальных властей и ведомств, так и восторженного общественного восприятия этого благотворительного общества принадлежала Тургеневу и его комитетской деятельности. О значительном вкладе писателя в деятельность Литфонда Анненков свидетельствовал: «Тургенев вложил всю свою душу для доставления ему успеха; он устраивал блестящие литературные вечера, ездил за тем же в Москву, и всякий раз появление его на эстраде сопровождалось громадным стечением публики и энтузиастическим приемом чтеца. (...) Люди, дотоле не признававшие даже и существования литераторов в России, собирались теперь на помощь сословию, от влияния которого старались прежде охранить нашу публику». Анненков справедливо отмечал, что доля участия писателя в укреплении Литературного фонда «была чрезвычайно значительна», вместе «с императорскими пожертвованиями и приношениями самой публики литературный фонд обязан и Тургеневу тем прочным положением, которым ныне пользуется». ⁵⁵

⁵² См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 7. С. 184 (письмо Ковалевского, на которое отвечает Тургенев см.: Там же. С. 375).

⁵³ См.: *Кузьмина Л. И.* Посол от русской интеллигенции (К организации «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже») // *Тургеневский сборник*. Л., 1968. Вып. 4. С. 275—283.

⁵⁴ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 428.

⁵⁵ Там же. С. 427—428.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-65-75

© **НИКОЛАЙ ЖЕКУЛИН** (Канада)

ДВА ЕВГЕНИЯ — ОНЕГИН И БАЗАРОВ

Переклички между произведениями И. С. Тургенева и А. С. Пушкина неоднократно обращали на себя внимание исследователей. Однако возможные параллели непосредственно между романами «Евгений Онегин» и «Отцы и дети» большей частью пренебрегались. При этом в глаза бросается целый ряд совпадений, начиная с одинакового имени главных героев — Евгений. И в сюжете заметно сходство: в деревне главный герой и его молодой друг встречают двух сестер. Друг влюбляется в младшую, а Евгения привлекает старшая. Но когда герой наконец признается ей в любви, она его отвергает, хотя сама равнодушна к нему. Последствия этой неудачи оказываются для героев сокрушительными. Кроме того, оба Евгения участвуют в дуэли. Несмотря на то что воспринимают подобную дуэль как глупость, они

считают себя обязанными принять вызов, но нарушают нормы поведения, приглашая слугу в качестве секунданта. Одно или два совпадения могли бы быть случайными, а целый ряд — хотя заметна и явная разница в деталях — заставляет серьезно задуматься о том, не скрывается ли за этим какой-нибудь замысел со стороны Тургенева. Тем более что первый намек на будущий конфликт в «Отцах и детях» также связан с пушкинским романом. Когда на пути с постоялого двора в имение Марьино природа начинает воздействовать на настроение отца и сына Кирсановых, в их душевную беседу вторгается Базаров:

«— <...> Да, весна в полном блеске. А впрочем, я согласен с Пушкиным — помнишь, в Евгении Онегине:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое...

— Аркадий! — раздался из тарантаса голос Базарова, — пришли мне спичку, нечем трубку раскурить».¹

Такая явная связь не должна удивлять. По словам Н. Н. Мостовской, «типы, образы, аллюзии пушкинской поэзии явились для Тургенева естественной формой собственных поэтических раздумий и воплощений»,² а в своей англоязычной «History of Russian Literature» Д. С. Мирский уточняет: «...Онегин и Татьяна являются предками целого племени героев в русской литературе. <...> Герои Тургенева, в особенности, полностью принадлежат этой семье».³ И. А. Беляева подтверждает сказанное по отношению к «Отцам и детям», замечая, что роман «буквально пронизан пушкинскими цитатами, имя Пушкина становится своеобразным „персонажем“ этого произведения».⁴ Но роль этого «персонажа» неоднозначна.⁵ Она раскрывается в разных планах — и по-разному.

В общем плане Пушкин наряду с Моцартом, Шубертом и Рафаэлем — ведущие представители так называемого «аполлонического» начала в искусстве, близкого к эстетике самого Тургенева. В рамках романа они противопоставлены отрицанию всех видов искусства Базаровым и подчеркивают коренное несогласие автора со своим героем: «...за исключением воззрений Базарова на художества, — я разделяю почти все его убеждения» (С 11, 90), — утверждал сам Тургенев. Для Тургенева способность создавать язык и способность создавать произведения искусства, в частности, словесного, являются теми свойствами человеческой природы, которые отличают человечество от всех других «детей» Природы.⁶ Однако по сравнению с осталь-

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 17. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием серии (С или П), а также номера тома и страницы арабскими цифрами.

² Мостовская Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Тургенева // Русская литература. 1997. № 1. С. 29.

³ «...Onegin and Tatiana are the ancestors of a whole race of characters in Russian fiction; <...> Turgenev's, especially, are entirely of this family» (Mirsky D. S. History of Russian Literature from its Beginnings to 1900 / Ed. F. Whitfield. New York, 1958. P. 92).

⁴ Беляева И. А. «Оставь герою сердце»: по поводу одной пушкинской реминисценции в «Отцах и детях» Тургенева // Тургеневские чтения: Сб. статей. М., 2009. Вып. 4 / Сост., науч. ред. Е. Г. Петраш. С. 90.

⁵ По мнению И. А. Беляевой, интерес к этому вопросу связан именно «с уяснением многоуровневости и многоплановости пушкинского влияния, собственно пушкинской традиции у Тургенева, которая не была чужда полемики, пародирования и проч.» (Там же. С. 90).

⁶ Подробнее об этом см.: Žekulin N. G. De gustibus disputandum est. Turgenev's (dis)agreements with his hero Bazarov // Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen / Hrsg. E. von Erdmann, A. Isaakjan, R. Marti, D. Schumann. Zürich, 2005. S. 289—309 (Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas. Bd 14).

ными названными членами плеяды упоминания Пушкина и прямые цитаты из его произведений (в том числе и базаровские мнимые цитаты⁷) занимают значительно большее место. Настоящая статья призвана обратить внимание на другой, более конкретный, специфический план, а именно на связи между действующими лицами «Евгения Онегина» и «Отцов и детей», с целью выяснить, каким образом обогащает наше восприятие тургеневского сочинения вплетение в него пушкинского романа.

Отражение более раннего произведения — его действующих лиц, фабулы, среды и других составных элементов — может осуществляться в более позднем произведении по-разному. Автор позднейшего произведения может переселить действующих лиц своего предшественника в другое время или в другую среду — те же лица, другие обстоятельства. Или он может передать их дальнейшую судьбу: что с ними случилось, кем они стали после окончания произведения-источника — «старшие» воплощения одних и тех же героев. Или, при общей основе, герои чем-то существенным отличаются от своих прототипов — варианты лиц из более раннего произведения. Либо же младший автор может по-разному комбинировать все эти приемы в сложной перекличке со своим предшественником. Другими словами, сопоставление может строиться на основе как общих черт, так и различий, более явных или более скрытых, или из смеси тех и других, в зависимости от того, что для автора-продолжателя важнее в том или ином случае; что для действующих лиц и в обстоятельствах общее, а что различное. Тонкость, с которой Тургенев вводит пушкинский материал в свой роман, проявляется в том, что он прибегает к широкому диапазону этих приемов.

Несмотря на частые упоминания Пушкина и на прямую цитату из «Евгения Онегина» в самом начале романа, явных связей между отдельными лицами двух романов, на первый взгляд, не наблюдается, особенно если начать сопоставление с главных героя и героини. Однако если подойти к нему с казалось бы малозначительных эпизодов и второстепенных действующих лиц, то связи начинают четче выявляться.

В обеих дуэлях одним из участников является главный герой Евгений, но если противником у Пушкина выступает его молодой друг, то у Тургенева — представитель старшего поколения, которого обычно считают основным идейным оппонентом главного героя. Различия усиливаются — связь как будто ослабляется — тем, что в «Отцах и детях» повод к дуэли еще более нелепый, чем предлог в «Евгении Онегине»: для Ленского речь идет о невесте, а для Базарова о случайном знакомстве. Онегин готов признать, что должен был отказаться от дуэли, но у него просто не хватило моральной силы:

Он обвинял себя во многом:
 (...) Евгений,
 Всем сердцем юношу любя,
 Был должен оказать себя
 Не мячиком предрассуждений,
 Не пылким мальчиком, бойцом,
 Но мужем с честью и с умом.⁸

⁷ «„Природа навевает молчание сна“, — сказал Пушкин. (...) Помилуй, у него на каждой странице: На бой, на бой! За честь России!

— Что ты это за небылицы выдумываешь!» (С 7, 121).

⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М., 1964. Т. 5. С. 123. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках номера страницы.

Базаров ни за что бы не отказался: «Экую мы комедию отломали! Ученые собаки так на задних лапах танцуют. А отказать было невозможно...» (С 7, 142). Самым очевидным и существенным различием, однако, является исход дуэли. Смерть Ленского навсегда накладывает печать на отношения между Онегиным и Татьяной. Легкое ранение Павла Петровича имеет лишь незначительные последствия для Базарова — он должен уехать из Марьино. Для Онегина дуэль сыграла решающую роль в его дальнейшей судьбе, а для Базарова такую роль сыграла не нелепая дуэль, а разочарование после крушения в любви. За поверхностным сходством кроется ряд значимых отличий. Отталкиваясь от общего, Тургенев преследует другую цель. А это наводит на мысль, что после отсылки к общему различия будут иметь более важное значение в том, как Тургенев использует роман Пушкина в своем романе.

О существенной роли, которую в «Отцах и детях» будет играть проблема поколений, говорит само название. Но если подойти к этому вопросу с чисто хронологической точки зрения, то связь между героями наших романов оказывается довольно сложной. Выходит, что отец Базарова сверстник Онегина!⁹ Несмотря на некоторую общую бунтарскую черту характера, трудно себе представить Базарова в качестве сына Онегина, тем более что в романе Тургенева Базаров явно принадлежит к поколению «сыновей». А главных представителей «отцов», братьев Кирсановых, трудно причислить к одному поколению с Онегиным (они на 16—20 лет моложе его).¹⁰ Однако в истории русской интеллигенции XIX века понятие «поколения» понимается и по-другому. Принято делить следующие одно за другим «поколения» на периоды в 20 лет: люди (18)20-х, 40-х, 60-х годов. Принадлежность к тому или иному поколению определяется в первую очередь не годом рождения, а временем участия в злободневных вопросах, занимавших русское общество. Никто не сомневается в том, что между поколением Пушкина и поколением Тургенева произошла смена. По этому поводу сам Тургенев заявлял: «Графиня Сальяс неправа, говоря, что лица, подобные Н^{икола}ю П^{етрович}у и П^{авл}у П^{етрович}у, — наши деды: Н^{иколай} П^{етрович} — это я, Огарев и тысячи других; П^{авел} П^{етрович} — {...} тоже наши современники» (П 5, 58; письмо к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 года).

Братья Кирсановы — люди 40-х годов. Не случайно Тургенев ввел термин «лишний человек» для своего поколения. Характерная черта «лишнего человека» в том, что он знает: каждый должен преследовать общественно-полезную цель в жизни, но сам он оказывается не в состоянии выполнить это предназначение. Пушкин и Онегин приблизительно одного возраста, люди 20-х годов.¹¹ Правда, у Онегина тоже не было цели в жизни:

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
{...}

⁹ По расчетам Ю. М. Лотмана, Онегин родился в 1795 году, Ленский и Татьяна — в 1803-м (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. 2-е изд. Л., 1983. С. 18—19). В «Формулярном списке действующих лиц новой повести», т. е. «Отцов и детей», Василий Базаров не фигурирует, но в самом романе Базаров говорит о нем, что он «в шестьдесят лет хлопочет {...} кутит, одним словом» (С 7, 118). Действие романа относится к 1859 году, следовательно, Василий Базаров родился в 1799 году, в один год с Пушкиным!

¹⁰ В «Формулярном списке...» годы рождения действующих лиц следующие: Павел Петрович Кирсанов родился в 1811 году, Николай Петрович — в 1815-м. Евгений Базаров родился в 1830 году, Анна Одинцова — в 1831-м, а Аркадий Кирсанов в 1837 году (год смерти Пушкина) (С 12, 563).

¹¹ Действие восьмой главы «Евгения Онегина» происходит осенью 1824-го — весной 1825 года (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 23).

Недуг <...>
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...

(с. 26)

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

(с. 170—171)

Недаром Онегин считается многими прототипом или предшественником «лишних людей» следующего поколения, но дело в том, что он является редким исключением среди представителей своего поколения.¹² Его окружают люди, чья пустая жизнь их полностью устраивает. В конце первой главы Онегину окончательно надоедает эгоистическая светская жизнь, основанная на одной жажде наслаждения. Он сознает, что стране нужны социально-экономические перемены (не только теоретически — он читал Адама Смита, — но и на деле — он заводит оброк в имении, унаследованном от дяди (с. 12, 37)), но ни воспитание, ни образование, ни правила поведения в обществе не могут ему дать ясное представление о том, как взяться за необходимые перемены, как, другими словами, поставить себе цель в жизни. Примером непрактичности современного образования, даже высшего, служит его восемнадцатилетний новый друг Ленский, который имеет еще более смутное представление о практических вопросах:

Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой...

(с. 39)

Его личная жизнь предопределена решением, принятым чуть ли не в детстве, жениться на соседке Ольге Лариной. «Учености плоды», привезенные из Германии, сводятся к тому, что он пишет «вялые» стихи, а о философии Канта больше нет и помину (с. 38—39, 128). Если бы не гибель на дуэли, то его будущее, как намекает рассказчик, было бы весьма будничным:

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
<...>
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.

(с. 135—136)

¹² В деревне даже «все решили так, / Что он опаснейший чужак» (с. 38).

В некотором смысле братья Кирсановы являются отражениями Онегина и Ленского. Не такими, какими в 1859 году могли бы стать последние, а — такими, какими могли бы быть в зрелом возрасте *типы* молодых Онегина и Ленского, будь они люди 40-х годов. В противоположность Онегину, который не служил в армии во время Отечественной войны с Наполеоном, у Павла Петровича была блестящая военная карьера — в мирное время. Но, подобно Онегину в первой главе, он занимал видное место «льва», о чем свидетельствовали его многочисленные «победы» среди дам высшего общества. Как молодого Онегина, так и Павла Петровича отличает их *туалет*. Туалету Онегина в первой главе посвящено четыре строфы (23—26), где, в частности, написано:

Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

(с. 20)

Туалету Павла Петровича Тургенев также уделяет немало внимания. Упоминается, что он возит с собой «настоящий серебряный несессер и походную ванну» (С 7, 33). Акцентируются детали наподобие той, что его русский поцелуй состоит из трехкратного прикосновения душистых усов к щеке (С 7, 19, 24). В ответ на снисходительность Базарова Павел Петрович оправдывает себя: «...вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность наконец, но это всё проистекает из чувства самоуважения, из чувства долга <...>

— <...> вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для *bien public*?» (С 7, 48) — спрашивает Базаров. Туалет как Онегина в первой главе, так и Павла Петровича служит символом полного отсутствия гражданской цели в жизни. Но эти герои связаны между собой еще и тем, что их жизнь перевернулась вверх дном вследствие роковой любви, которая довела обоих до отчаяния. Нетрудно себе представить, что если бы Пушкин не простился со своими героями после объяснительного тет-а-тет, то дальнейшая судьба Онегина могла бы не сильно отличаться от жизни Павла Петровича, волочившегося по Европе за другой княгиней, княгиней Р.

Точно так же жизнь Николая Кирсанова во многом напоминает ту судьбу, которую Пушкин рисовал для Ленского. Правда, Николай Петрович не стал рогоносцем; он овдовел и сошелся с девушкой из прислуги. И он никогда не мечтал стать поэтом, но всю жизнь хранил искреннюю любовь к поэзии, да и к музыке. В 44 года, как едко замечает Базаров, он все еще играет Шуберта на виолончели (С 7, 43). Николай Петрович старается не отставать от новых идей и, как и положено человеку 40-х годов, им руководит заветная идея об освобождении крестьян. Соответственно, он вводит размежевание еще до отмены крепостного права. Но все его попытки имеют лишь умеренный успех: «Он построил дом, службы и ферму, разбил сад, выкопал пруд и два колодца; но молодые деревца плохо принимались, в пруде воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатого вкуса» (С 7, 21).

Сопоставление Ленского с Аркадием Кирсановым показывает, что в некотором смысле сын Николая Петровича тоже воплощает ту тихую сельскую жизнь, о которой мечтал Ленский. Как и отец, он, безусловно, не является поэтом, но, несмотря на все его усилия скрыть это от Базарова, и он

любит поэзию, в частности Пушкина, чьи стихи хорошо знает.¹³ Временами Тургенев склонен относиться к Аркадию с легкой иронией, точно так, как Пушкин иронизировал над Ленским. Однако между молодыми героями есть одно коренное различие. В отличие от Ленского, влюбившегося в легкомысленную Ольгу Ларину, Аркадий выбирает в качестве спутницы жизни Катю Локтеву — серьезную молодую девушку, которая отлично знает, чего хочет. Даже Базаров готов отдать ей должное, когда напоминает Аркадию: «...ты ведь, вероятно, помнишь, какого я всегда был мнения о Катерине Сергеевне. Иная барышня только от того и слывет умною, что умно вздыхает; а твоя за себя постоит, да и так постоит, что и тебя в руки заберет, — ну, да это так и следует» (С 7, 169). Именно благодаря Кате Аркадий предстает более удачливым, чем многие другие герои романов Тургенева. Например, когда рушатся мечты Литвинова, главного героя «Дыма», тот возвращается в свое поместье: «...один в своем ветхом господском флигельке и с тяжелым сердцем, без надежды, без рвения и без денег — начал хозяйничать. Хозяйничанье в России невеселое, слишком многим известное дело; мы не станем распространяться о том, как солоно оно показалось Литвинову» (С 7, 400). Не такая судьба ожидает Аркадия. В «эпиплоге» романа автор сообщает, что «Аркадий сделался рьяным хозяином, и „ферма“ уже приносит довольно значительный доход» (С 7, 186). Более того, в отличие от многих других героев Тургенева, Аркадий не живет в одиночестве; у него есть надежная опора в лице жены. Счастье им приносит и новорожденный сын Николай — очередные «отцы и дети»! Различие снова оказывается более существенным, чем сходство.

Особую проблему при попытках выяснить возможные связи между действующими лицами «Евгения Онегина» и «Отцов и детей» представляют собой главные героини. Между Татьяной Лариной и Анной Одинцовой, на первый взгляд, нет ничего общего. Но и тут Тургенев вводит схожие подробности, которые подталкивают к более внимательному взгляду. Базаров видит Одинцову в первый раз на светском балу, точно так же, как Онегин видит «величавую <...> законодательницу зал» (с. 178), которой стала Татьяна, на светском балу в Петербурге. Обе выделяются среди всех других присутствующих дам. Отличительные черты обеих героинь — безмятежность и полное отсутствие вульгарности. О Татьяне сказано:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...
<...>
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar...*

(с. 171—172)

¹³ Аркадий не обинуясь упрекает Базарова в том, что тот выдумал свои «цитаты» из Пушкина.

А об Анне Одинцовой говорится: «Она поразила его достоинством своей осанки. <...> спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядели светлые глаза <...>. Какою-то ласковой и мягкой силой веяло от ее лица» (С 7, 68); «Одно пошлое ее отталкивало» (С 7, 74).

Такой внутренней силой веяло от них, что при первом разговоре наедине оба самоуверенных молодых героя смущены и застенчивы:

<...> Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает.

(с. 175)

Ср.: «Аркадий представил ей Базарова и с тайным удивлением заметил, что он как будто сконфузился, между тем как Одинцова оставалась совершенно спокойною, по-вчерашнему. Базаров сам почувствовал, что сконфузился, и ему стало досадно» (С 7, 72).¹⁴

Центральной особенностью пушкинского романа является то, что в нем существует два разных элемента — вымышленная фабула, самой сутью которой являются отношения между Онегиным и Татьяной; и «болтовня» (в сущности — размышления) рассказчика на самые разные темы. Эти элементы одинаково важны в структуре, но редко когда им уделяется равнозначное внимание в критике, и еще реже встречаются попытки объединить их в цельное, обобщающее толкование. Общественная ситуация в первой половине 1820-х годов, и в частности декабристское движение, вызвала в среде образованных людей потребность в гражданственности. И на Пушкина возросло давление, даже со стороны друзей, вынуждавшее исключить «несерьезное» из своего творчества, стать более «общественным». Его ответ на подобные требования был неизменен: с одной стороны, художник имеет полную свободу во всем, но с другой — у каждого есть обязанности перед обществом: свободой должна руководить ответственность. Этот двойной принцип нашел свое художественное воплощение в «Евгении Онегине» в том, что рассказчик наделен правом писать обо всем, даже о самых легкомысленных вещах, в том числе о двух ножках среди тех единственных трех пар стройных в «России целой» (с. 23) или о пересоленном пироге (с. 114). А ответственность выражается в самоограничении, символом которого становятся оковы «онегинской строфы», которые Пушкин наложил на себя на протяжении без малого 400 строф. Параллельно в сюжетном движении романа Татьяна также проявляет ответственность — нравственное самоограничение — когда решает остаться верной своему мужу.

В этом отношении можно проследить связь — однако с уже ожидаемым знаменательным отличием — между двумя героинями. Как зрелая Татьяна в восьмой главе, так и Анна Одинцова демонстрируют умственную самостоятельность тем, что ведут себя не по общепринятым, а по избранным ими самими нормам поведения. Обе отвергают объяснение в любви своего Евгения, но причины у них коренным образом отличаются. Татьяна дважды нарушает принятые нормы поведения — в пылу молодого увлечения, в третьей главе, она «отдала себя» Онегину в письме, где откровенно призналась в любви, а в конце романа она решает *не* «отдавать себя» тому, кого, по собственному признанию, любит. Делает это она в эпоху, когда, как показано в

¹⁴ На этом «тет-а-тет» присутствует Аркадий, исключительно в роли свидетеля того, насколько нехарактерно поведение Базарова, так как в романе рассказчик избегает непосредственной передачи внутренних переживаний Базарова.

первой главе, любовные внебрачные связи считались общепринятым поведением:

Его (Онегина. — *Н. Ж.*) ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

(с. 14)

Об Анне Одинцовой ходят слухи, будто она ведет себя слишком «вольно»: «...рассказывали про нее всевозможные небылицы, уверяли, что она помогла отцу в его шулерских проделках, что и за границу она ездила недаром, а из необходимости скрыть несчастные последствия... „Вы понимаете чего?“ — договаривали негодующие рассказчики. <...> Все эти толки доходили до нее, но она пропускала их мимо ушей: характер у нее был свободный и довольно решительный» (С 7, 73).¹⁵ Однако когда представляется случай поддаться порыву чувств, несмотря на отсутствие формальных препятствий (в отличие от Татьяны Одинцова не замужем, а вдова), она решает на них не отвечать. Препятствие, значит, состояло в другом.

По собственному признанию Анны Сергеевны, любовь можно определить, как «или всё, или ничего. Жизнь за жизнь. Взял мою, отдай свою, и тогда уже без сожаления и без возврата» (С 7, 93). Наверное, к удивлению всех, кто в первый раз читает роман, Базаров не только соглашается с таким определением, но и утверждает, что считает себя способным на такое самоотречение:

«— Но вы бы сумели отдаться?

— Не знаю, хвастаться не хочу» (С 7, 94).

А Одинцова не может. Для нее слишком важно спокойствие: «„Нет <...> спокойствие все-таки лучше всего на свете“. <...> Под влиянием различных смутных чувств, сознания уходящей жизни, желания новизны она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие» (С 7, 99).

Если обратить внимание на двух главных героев, то очевидная связь между ними сразу бросается в глаза — у них общее имя. Различие на этот раз заключается в другом: они принадлежат к совершенно разным социальным классам. Само собой разумеется, что Тургенев, за плечами которого была серьезная классическая подготовка, не мог не знать значения и этимологии имени Евгений (εὐγενής — родовитый) и, следовательно, он неслучайно дал герою-«плебею», каким его считал Павел Петрович (С 7, 44), имя, которое с обыденной точки зрения явно не соответствует общественному положению Базарова — он «лекарский сын, и дьячковский внук» (С 7, 76). Однако Тургенев настаивает на альтернативной генеалогии: отец Базарова — король (Василий — βασιλεὺς, король).¹⁶ К 1859 году «родовитость» уже

¹⁵ При этом автор сообщает, что иногда «воображение ее уносилось даже за пределы того, что по законам обыкновенной морали считается дозволенным» (С 7, 83—84).

¹⁶ Вопрос о явном несоответствии имени и отчества фамилии, которая носит отзвук тюркского базара, давно дискутируется. Недавно Н. П. Генералова и Л. К. Хитрово установили, что среди знакомых Тургенева было два Базарова, отец и сын, протоиереи Иоанн Григорьевич и протоиереи Иоанн Иоаннович Базаровы. С отцом писатель познакомился в Туле зимой 1858—1859 года (незадолго перед тем, как начал работу над романом), а с сыном уже после того, как написал «Отцов и детей», в 1869 году в Штутгарте (Генералова Н. П., Хитрово Л. К. К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2012. Вып. 3. С. 329—346).

не зависела от происхождения, а заслуживалась личным достоинством и достижениями, другими словами, тем, чем будет определяться разночинец в грядущих 60-х годах.

В отличие от «лишних людей» 40-х годов, которые не могли найти себе цели в жизни то ли из-за личных недостатков (чаще всего вследствие слабости воли), то ли из-за обстоятельств, зависящих от общественно-политической ситуации в России, никто бы никогда не стал обвинять Базарова, вторгшегося вихрем в имение Кирсановых и в тихую жизнь Одинцовой, в слабости воли или в отсутствии цели в жизни. Его лицо, как сообщается при первом появлении этого неожиданного гостя на постоялом дворе, «выражало самоуверенность и ум» (С 7, 11). Гордость этого человека была, по словам Павла Петровича, «почти сатанинская» (С 7, 52). Слово это, пожалуй, следует понимать в библейском смысле, обозначающем того, кто восстал против Бога, тем, что воздвиг себя вровень с Ним. Но все для Базарова меняется, когда он влюбляется в Одинцову. Смерть Базарова нельзя назвать самоубийством в буквальном смысле, однако она несомненно является наглядным признаком того, что он потерял волю к жизни. Довело его до этого душевного состояния то, что основы его мировоззрения оказались безнадежно подорваны. Его мировосприятие отвергло наличие существенных различий между *homo sapiens* и всеми другими видами тварей. Все без исключения подчиняются одним и тем же законам Природы и — согласно его крайне материалистическому взгляду — все эти законы сводятся к законам химии (Stoff) и физики (Kraft). В такой жесткой системе нет места для индивидуальности. По ставшему крылатым выражению самого Базарова: «Люди, что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною березой» (С 7, 78—79).

То, что он влюбился в *одну* определенную женщину (Одинцову) и не в состоянии следовать собственному правилу в отношениях между полами, т. е., как декларирует герой, между «самцом» и «самкой»,¹⁷ доказывает несостоятельность его прежних идейных принципов. Будучи во всем бескомпромиссным, Базаров бескомпромиссен и в своей интеллектуальной честности, которая не позволит ему закрыть глаза на крушение основ того, во что он до того верил. Все твари, оказывается, не одинаковы, они не равны перед законами Природы. Базаров вынужден признать, что люди, и в частности он лично, отличаются от животных, когда с ироничным одобрением отзываясь об усилиях муравья: «...пользуйся тем, что ты, в качестве животного, имеешь право не признавать чувства сострадания, не то что наш брат, самоломанный!» (С 7, 119).

Самоувереннейший из людей теряет почву под ногами. Зато у Анны Одинцовой давно нет — а возможно, никогда и не было — цели в жизни. Она скрывает ее отсутствие за строгим порядком, который внесла в свою ежедневную жизнь — «как по рельсам катишься» (С 7, 85). «Не имея никаких предрассудков, не имея даже никаких сильных верований» она все-таки «хотела чего-то, сама не зная, чего именно» (С 7, 83, 84) — сообщает повествователь, а сама Одинцова признается Базарову: «...впереди передо мной — длинная, длинная дорога, а цели нет... Мне и не хочется идти» (С 7, 93).

Если проследить связи между главными героями двух романов, то оказывается, что Тургенев не столько вводит существенные различия между Базаровым и Онегиным и между Одинцовой и Татьяной, он как будто пере-

¹⁷ «„Нравится тебе женщина, — говаривал он, — старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись — земля не клином сошлась“. <...> а отвернуться от нее он, к изумлению своему, не имел сил» (С 7, 87).

ставляет их характеры и таким образом переставляет их функции. Татьяна и Анна Одинцова обе равнодушны, каждая к своему Евгению; обе отвергают любовь избранника, но по совершенно разным причинам. Татьяна отвергает Онегина, чтобы сохранить свое моральное равновесие; Одинцова отвергает Базарова, чтобы не разрушить то психологическое равновесие, которое она создала для себя, чтобы прикрыть полную пустоту своей жизни. Аналогичным образом отказ любимой женщины одинаково опустошает обоих Евгениев, но вновь по разным причинам. Онегин опустошен именно потому, что понял: у зрелой Татьяны есть моральное равновесие, которое придает смысл ее жизни. Он надеется, что подле нее сможет в свою очередь найти такое же равновесие. Он не понимает, что, если бы Татьяна ответила на его порыв, она потеряла бы как раз то, что его в ней привлекает, то, что он в ней ищет. Для Базарова проблема состоит не в том, что Одинцова ему отказала, а в том, что он в нее вообще влюбился и таким образом осознал несостоятельность своего мировоззрения. Бескомпромиссность — сила этого героя — однако проявляется в очередной раз. Он готов был согласиться с последствиями полного крушения своих идейных устоев и стать на новый путь, если бы Одинцова была в свою очередь также готова принять не менее радикальную перемену в своем образе жизни. Но на это она неспособна.

Никто не станет утверждать, будто связь между «Евгением Онегиным» и «Отцами и детьми» является главным двигателем тургеневского романа. Но связь эта несомненна и многообразна; она явно умышленна. Причем существенные различия, в особенности различия между главными героями и героинями двух романов, в частности перестановка черт их характеров, подчеркивают, что перед Тургеневым стояла другая задача, нежели перед Пушкиным.

Онегин представлял собой человека, который в силу своего воспитания и современных общественных норм остался без достойной цели в жизни. Роль Татьяны — наглядно показать это отсутствие тем, что в ответ на объяснение в любви она отвергает Онегина. В противоположность Онегину, Базаровым владеет всепоглощающая цель. Обладая непоколебимыми идейными убеждениями, он открыто презирает всех, кто их не разделяет. У него одно-единственное призвание в жизни — разрушить старые «ложные» понятия о мире, чтобы можно было утвердить свое радикально новое — «правильное» — понятие обо всем во вселенной: «В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем. <...>

— Все, — с невыразимым спокойствием повторил Базаров» (С 7, 49). Базаров был революционером, но это была не политическая, а философическая революция, мировоззренческая. А роль Одинцовой — подорвать, разрушить мировоззрение Базарова, именно тем, что он в нее влюбляется вопреки своим убеждениям.

Онегиным Пушкин указал на опасность, которую несет для общества отсутствие цели в жизни. Базаровым Тургенев обозначил не менее разрушительную для общества опасность, когда человеком овладевает до навязчивости замкнутое мировоззрение. Но Тургенев, автор ряда произведений о «лишних людях» 1840-х годов, не забыл об опасности отсутствия цели в жизни. Следовательно, в его романе также присутствует действующее лицо, которое воплощает в себе такое отсутствие. Но это уже не главный герой, а героиня. Таким образом, объединив перекрестными нитями свой роман с романом Пушкина, Тургенев подчеркивает своим *Евгением*, Базаровым, что наличие цели само по себе не разрешает проблему, которую представлял собой другой *Евгений*, Онегин. Не менее важно, какую цель человек выбирает для себя, во что он верит и даже как он верит.